

18+

АЛЕКСЕЙ РЯБЧИКОВ

ДОЖЬ ДЛИВАЯ
ПЬЕСА

18+

Алексей Рябчиков

Дождливая пьеса

«Издательские решения»

Рябчиков А.

Дождливая пьеса / А. Рябчиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966280-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он
обычный парень, который пошел посмотреть выставку картин своей девушки.
А в итоге предотвратил ограбление. И теперь весь город гадает, кто же он?
Герой, спасший всех, или сообщник грабителей?

ISBN 978-5-44-966280-4

© Рябчиков А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Печальное знакомство	6
Глава 2	22
Ограбление	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дождливая пьеса

Алексей Рябчиков

© Алексей Рябчиков, 2019

ISBN 978-5-4496-6280-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Печальное знакомство

На ее джинсах в районе колена пятно. Очень заметное темное пятно от воды на синих джинсах. И хорошо, что она догадалась надеть сегодня черную куртку, а не светлую. Ее морозит. Она держит в руках пластмассовый стакан с чаем, который по идеи должен быть горячим, но вода из-под кулера никогда не бывает горячей, только теплой.

Сквозь запотевшие окно видно серое очертание домов и капли дождя. В стекле еще отсвечиваются сине-красные проблесковые огни полицейских машин, но внутри помещение уже пусто. Давно заглушилось эхо криков задержанных о несправедливости их ареста, и теперь она ждал лишь одного. Но наверно город стоит в пробках, раз репортеры еще не приехали.

Она ставит на подоконник стакан с чаем, вытаскивает из сумочки расческу и зеркало. Маленькие иголки запутываются в черных длинных волосах, чем вызывают легкую боль.

В принципе она может гордиться собой, если бы не одно но...

Минут тридцать назад она прибыла в это офисное здание с группой захвата и несколькими помощниками. Они ворвались в 103 офис, где проходило совещание генерального директора ООО «ОкнаПВХ» Казаченко Евгения Леонидовича со своими работниками. Суматоха возникшая в офисе и общая концентрация полицейских на директоре конторы, позволило одному из задержанных воспользоваться моментом. Он неожиданно толкнул в грудь полицейского и выбежал из офиса в дверь.

– Держите всех – крикнула она и бросилась за ним. За ним также побежал немного полноватый парень Андрей, её помощник.

Они быстро миновали витиеватые лестницы и оказались на улице. Убегавший побежал по дорожке меж деревьев в гаражи, следом бежала она, и немного отстав за ней, Андрей.

– Стреляйте! – услышала она запыхавшийся голос Андрея.

Она достала пистолет.

– Контрольный! – снова крикнул Андрей.

Но она не могла выстрелить в воздух. Не потому что боялась, а просто она никогда не заряжала свой пистолет, и это была её тайна.

– Контрольный! – голос Андрея уже был далеко позади, а преступник почти достиг границу гаражей.

Она молниеносно прокрутила в голове все возможные варианты, и выбрала один, самый простой. Немного сбавила скорость и резко опустила одно колено на мокрый асфальт. Она крикнула от вполне реальной боли и понарошку рассердилась, что упустила бандита.

Людмила возвращает расческу в сумочку, а сама смотрит в зеркальце, слегка мочит слюной указательный палец и трет себя по носу, заметив там грязно черное пятнышко.

– Можешь не стараться, – раздается сзади мужской голос, который она сразу же узнает – Я их отправил обратно.

– Зачем? – она поворачивается к входу.

Там стоит Игорь, её начальник, среднего роста, гладко выбритый, с небольшим животом, образовавшимся после сорока. Он пристально смотрит на неё своими коричневыми маленькими глазами.

– Как ты вообще узнала про этот арест? – спрашивает он.

– Давно ты их отправил, может еще успеют вернуться?

Он тяжело вздыхает, обходит стол для переговоров с правой стороны, садится в кресло директора и поворачивается к ней.

– Простой вопрос задам, – говорит он – Что мне сделать, чтобы ты... Я не хочу, чтобы ты уходила, ты хороший следователь, но...

– Да не тяни ты.

– Я хочу, чтобы ты перестала на каждый свой арест звать журналюг! Иногда стоит тихо прикормить рыбку, чтобы потом её схватить.

– Дай мне информационное дело. Крупное одно, любое и я больше не буду.

Игорь делает один круг на кресле.

– Не понимаю я. Зачем тебе это?

– Надо.

Перед ее глазами всплывает момент из прошлого. Тогда она только поступила в институт милиции, а отец встретил ее на машине возле входа.

– Зря ты, Люська, конечно к нам пошла, – сказал он, когда они сели в машину.

– Почему?

– Потому что никогда тебе не стать генералом.

– А вот посмотришь! – крикнула она тогда – Я буду первой женщиной генералом. Мне нужно всего лишь одно большое дело раскрыть!

– Ладно – говорит Игорь – Я дам тебе дело. Шумное дело, а потом все, никаких репортеров.

– Договорились – отвечает она – Только дело я выберу сама.

Он качает головой из стороны в сторону и нехотя соглашается.

– Товарищ майор – в офис заходит Андрей – Его там нет.

– Точно – Игорь встает с кресла – Ты точно посмотрел всех там.

– Да. Его там нет.

– Кого? – удивленно спрашивает Людмила – и где?

– Ты сегодня задержала этих, а одного нет – говорит Игорь.

– Шестерки?

– Да не..

– Я конечно могу ошибаться – обрывает всех Андрей – но кажется это тот тип, который сбежал от нас. Вот посмотрите, товарищ капитан – он подает Людмиле фотографию.

– Сбежал? – Игорь резко встает, он проводит рукой по рту – Ну как выйди – говорит он Андрею – Сбежал?

– Ну да сбежал, не догнали его. И че? самого главного то задержали. Этого как его... Казаченко.

– Да твой Казаченко это шестерка! Это прикрытие. Он как в золотом теленке, ему платят за то, чтобы он брал всю вину на себя и сидел за это. А этот на фотке самый главный. Он мог нам Виктора сдать. Лист это. Кличка у него такая.

Игорь подходит к окну, стучит по подоконнику пальцами, резко оборачивается, идет к выходу, потом снова оборачивается.

– Не ожидал я от тебя, не ожидал.

Он выходит.

– Тоже мне – она со злостью бросает фотографию на стол, встает, смотрит на джинсы, кажется, пятно исчезло.

Она входит на крыльцо. Там стоит Андрей, он смотрит на дождь и что-то напевает себе под нос.

– Почему ты мне не доложил про этого Листа? – спрашивает она.

– Не... не...

– Не знал про него?

– Так точно.

– Так вот нужно было проверять за мной. Всегда нужно за всеми проверять. Понимаешь?

– Так точно.

– Забери его фотографию с офиса, я забыла и езжай куда хочешь.

Она медленно спускается с крыльца, подходит к своей машине, старенькой серой Тойоте и садится за руль.

Быстрый обед-завтрак, который даже нельзя назвать полноценным приемом пищи.

Бумаги, дела, плывущие буквы перед глазами.

Вялость, головная боль...

И вот уже она захлопывает дверь машины на платной стоянке.

Стоит поздний вечер, такое время, когда семейные люди уже пришли домой и поужинали, а одиночки парами вышли на прогулку. Дождь кончился. В воздухе стоит запах свежей воды, а непривычная теплота, образовавшаяся из-за отсутствия ветра, проникает под верхнюю одежду и греет кожу.

Старая серая Тойота издает писк. Людмила бросает ключи в сумочку и направляется в сторону дома.

Вот показывается зеленая вывеска ее любимого супермаркета. Вот из белых дверей магазина выходит молодой человек с большим пакетом и вежливо придерживает для нее дверь. Она благодарит его улыбкой.

Внутри народу не очень много, в основном это люди, мужчины и женщины, с огромными черными мешками под глазами и заспанным видом. Они кладут в корзинки для продуктов пельмени, хлеб и кофе, кто-то берет сигареты. Они молча и без всяких эмоций проходят к кассе, на все вопросы кассира кивают, молча складывают покупки и уходят. Вошедшей Людмиле это напомнило конвейер на автомобильном заводе, где каждый четко выполняет свои заученные движения.

Пройдя через металлический ограничитель с надписью «Вход» – зачем его только сделали во всех магазинах, сколько раз она цеплялась колготками за торчащие болтики на них – она подходит к алкогольной продукции.

– Добрый вечер – говорит ей молодой высокий продавец – консультант. Он смотрит прямо ей в глаза и улыбается.

– Здравствуйте – отвечает она.

– Вам как обычно?

– А вы знаете как обычно? – на её лице появляется хитрая игривая улыбка.

– Конечно. Стойте здесь, я сейчас все устрою – он разворачивается, останавливается и снова поворачивается к ней.

«Ну, давай же» – пролетает у неё в голове.

И ей видно, по глазам и этой смущенной улыбке, что он хочет её спросить о чем-то таком, о чем мужчины боятся спросить симпатичную незнакомку. Его рот медленно открывается, и она, следящая за его движением, уже готова ответить «Да» на его вопрос...

– Моцареллу? – спрашивает он.

– Что? – её игривость тут же пропадает, и она становится похожа на покупателей, которые сейчас берут пельмени, хлеб и кофе.

– Вам сыр моцареллу?

– Конечно, да – отвечает она раздраженным голосом и тут же отворачивается от него.

Минут через пять, поучаствовав в конвейере оплаты продуктов, она выходит из магазина.

С неба моросит мелкий дождик, в её руках небольшой пакетик, в нем бутылка вина, сыр и шоколадка. В ее голове смешанные мысли о работе, погоде и трусливом продавце. Её взгляд скользит вдоль стены многоэтажного дома и упирается в два единственных черных окна на третьем этаже. Их легко узнать. В них никогда по вечерам не горит свет, пока ее нет дома. Это ее окна. И от этого ей становится грустно.

Сквозь приоткрытое окно черной Тойоты выплывал серый табачный дым. Но не стоит беспокоиться, этот сливающийся с небом дым, не причинит особого вреда экологии и здоровью других граждан. Так как он всего лишь «капля в море» огромного потока серого и черного дыма вырывающегося из выхлопных труб соседних машин, застрявших в пробке из-за сбоя светофора.

Из черной Тойоты вылетает красный огонек, он кружится в воздухе, а потом падает на мокрый асфальт и гаснет.

Павел, так зовут водителя, закрывает окно и смотрит на часы. Дурацкая привычка абсолютно всех людей. Если скучно и хочется быстрее, то чаще смотри на часы.

Но время течет медленно, кажется, прошло уже минут десять, а по часам всего лишь две.

Одет он в черные джинсы из правой штанины, которых торчат нитки. Его туфли, начищенные до блеска, все равно говорят, если присмотреться, о своем возрасте. Светло серая куртка выглядит нормально. У него черные, стриженные по бокам волосы, широкая челюсть, широкие скулы и немного острый нос. Телосложение среднее.

У машины, стоящей впереди него, тухнут красные стоп лампочки, и он уже собирается нажать на газ, как эти лампочки снова загораются.

В машине раздается писк сотового телефона. И он знает, что звонит второй телефон, тот который оформлен не на него...

– Слушаю – говорит Павел, нажав на зеленую трубку старого аппарата.

– Это Руслан, – говорит мужской голос. А потом в трубке раздаются чавкающие звуки – Извини, с утра забегался, не поел. В общем, дело плохое. Сегодня ваши, ну ты понял, навестили Казаченко.

– Кого?

– Директора конторы Листа. Короче это не сильно важно. Лист свалил. Я не знаю как, но свалил.

– И.

– Он прячется на крыши дома 49 Калинина. Нужно, чтобы ты его забрал.

– А сами?

– Нельзя, чтоб его арестовали. А ты, как мент, наденешь на него наручники, посадишь к себе в тачку и привезешь ко мне.

– Куда?

– Возле свалки, где обычно!

Паша бросает сотовый на пассажирское сиденье, приоткрывает окно и закуривает. Впереди стоящая машина начинает движение вперед....

Худой мужчина в черном спортивном костюме выходит из подъезда многоэтажного дома. Он оглядывается по сторонам, проводит большим пальцем по своим редким усам. Его взгляд падает на черную машину, у которой резко загораются, а потом тухнут фары.

«Все как говорил Руслан».

Лист еще раз оглядывается и быстрым шагом, который больше похож на бег, подходит к машине и садится на заднее сиденье.

– Фу – вздыхает он – Поехали.

Сначала он чувствует, как что-то холодное падает ему на колени, потом до ушей доходит металлический звук, который он ни с чем не перепутает.

– Че это? – Лист смотрит на наручники, лежащие на его коленях.

– Одевай – говорит Паша, не поворачиваясь к нему.

– Эээ нет, их я не одену.

– Странно, когда человек пытается сделать выбор, которого у него нет.

– В смысле?

– Либо ты надеваешь наручники сам, и мы едем к Руслану. Либо – с переднего сиденья слышится шум открывания замка куртки.

Перед глазами Листа появляется черное дуло пистолета.

– Я – продолжает Паша – тебя арестовываю и отвожу в ментовку. Проще тебе одеть.

Паша слышит звук щелчка замков наручников.

– Руки подними.

Лист поднимает руки, Паша убирает пистолет и нажимает на газ.

Черный дым вальяжно поднимается вверх. В воздухе стоит смешанный запах жженных лекарств, плоти и мусора. Даже дождь не может освежить здесь землю, которая хранит тайны практически всех живущих людей этого города.

С задней стороны свалки, там, куда черный дым никогда не плывет и где еще можно дышать без последствий для здоровья, стоит черная машина, похожая на Мерседес, но явно китайского производства. Её черные тонированные окна полностью закрыты. В машине играет музыка. Обычная современная песня про любовь.

«Ну а про что еще?» – проносится в голове у водителя.

Этот толстый мужчина ест бургер и пытается для себя придумать другие темы для песен, но все его выдумки упираются в любовь. Он резко морщится, бросает бургер на панель приборов, открывает дверь и выплевывает содержимое изо рта на землю, закрывает дверь, делает несколько внушительных глотков лимонада, потом закуривает.

Подъезжает черная Тойота, из нее выходит Павел, он садится на переднее сиденье китайского Мерседеса.

– Здорово – говорит ему Руслан.

Павел, молча, пожимает протянутую руку.

– А чем у тебя в машине воняет? – спрашивает он.

– Так то мы возле свалки стоим.

– Да нет. На улице не такой запах... Пахнет жареным и кислым.

– Ааа ты про это. Да чтоб я еще раз купился на рекламу.

– Что за реклама?

– В интернете. Типо у нас самые лучшие чизбургеры в городе. Заставить бы этих уродов самих жрать это гавно. Вон хочешь попробуй.

Павел смотрит на откусанный чизбургер, из пакета которого на панель приборов течет кетчуп, и отрицательно машет головой.

– Нет, спасибо. Лучше выбрось.

– Выкину. Позже, в морду того, кто его делал. Специально крюк дам... Ладно. Лист там?

– А нахрена бы я сюда приехал, если бы его там не было?

– Какой-то ты нервный стал – Руслан вынимает из внутреннего кармана конверт, дает его Павлу – Тут так сказать бонус – и видя, недовольное лицо Павла, добавляет – Остальное уже ушло на благотворительный фонд твоей дочки. Кстати как она?

– Нормально.

– Это хорошо. Виктор просил напомнить про завтрашний вечер.

– Я помню. Иди, забирай этого.

Руслан и Паша выходят из машины. Их головы мочит сильный дождь, но они не торопятся. Идут так, будто на улице солнце и жара.

– Он сзади – говорит Паша, открывая водительскую дверь, а потом дает ключи от наручников Руслану – На.

Руслан открывает заднюю дверь, снимает наручники с рук Листа, бросает их на сиденье.

Как только захлопывается дверь, Паша вжимает педаль газа в пол. Машина резко трогается с места назад.

Иногда Паши кажется, что его жизнь дешевый фильм про продавшегося урода. В этот момент в его голове начинает играть музыка, которую он где то слышал, но вот где не помнит.

В этот момент он сжимает кулаки, чтобы набить себе морду.

«Почему? Кто я? Кто свои, кто чужие? Кто мне кто?» – спрашивает он себя в этот момент.

И в этот момент его рот ополаскивает жгучая белая горькая жидкость.

– Еще – говорит он бармену в своем любимом тихом баре – И пива налей.

Потом он закуривает. И повторяет действия с жидкость вновь и вновь, пока ему не становится на все пофиг.

Пропасть забытья, сменяется черной новенькой дверью с цифрами «87». Эти золотые цифры прикрепляла на дверь его дочь. Звонка у них нет, поэтому Паша стучит в дверь. Он хочет, чтобы звук стука был тихим, но руки не слушаются.

Дверь открывается быстро. На пороге Юля, его жена, в прошлом миловидная брюнетка, а теперь её лицо покрыто морщинами и черными кругами. Она с сожалением, близким к равнодушию, смотрит на него. Он заходит, проходит чуть вперед, облокачивается на стенку, поднимает ногу, чтобы снять ботинки. Ему это не удается. Он замирает, а потом начинает медленно ползти по стене вниз.

– Деньги в кармане – еле слышно говорит он – Я их не трогал.

– Что? – она садится на корточки возле него.

Он закрывает глаза, открывает их. Достает из внутреннего кармана конверт, бросает его на пол.

– Деньги... там... все – он закрывает глаза.

Она нежно проводит рукой по его мокрым от дождя волосам.

– Мне сейчас не легче – говорит она.

Автомобили, выбрасывая из-под колес дождевую воду, шумно проезжают мост, соединяющий два берега города. Но она не слышит этого шума. Она, одетая в легкую осеннюю куртку и джинсы, стоит возле перил, положив на них локти, и смотрит на бушующую речку. Её длинные черные волосы раздувает сильный промозглый ветер, открывая проходящим мимо пешеходам красивые уши с маленькими золотыми сережками и белыми наушниками. В них играет скрипка. Это Вивальди. Но она, к сожалению, не знает название трека, называя его «песней зимы». В её руках стакан кофе из сетевой кофейни. Отвратительный черный кофе, но другого в городе нет. словно каждая кофейня берет напитки из одной трубы, а потом назначает свою цену за одинаково плохой кофе.

Она не пьет его, а просто держит стакан в руках. Быть может, так она чувствует себя истинным художником или же просто вновь понадеялась, что кофе будет хороший и купила его.

Начинается самый лучший момент музыки. Скрипка разгоняется.

И никому не под силу описать эту мелодию буйства. Будто скрипач, чувствует свою смерть и начинает играть, боясь не успеть.

И в этот момент, когда все сошлось в одно... И быстро плывущие облака, играющее под ветром море, стакан кофе в руке и любимый момент в музыке. Когда вот вот придет прозрение, она чувствует легкое прикосновение по плечу. Обернувшись, видит его и разочарованно улыбается.

А Дмитрий – молодой парень, среднего роста и телосложения, с немного неаккуратной стрижкой и тонкими губами – словно не видит разочарования, начинает говорить. Она вытаскивает наушники из ушей.

– ... И он мне говорит – сразу же слышит она его голос.

– Привет – обрывает его Аня.

Он замолкает, потом улыбается.

– Я же вроде здоровался.

– А я в наушниках была, не слышала.

– Ааа. Привет. Значит, ты все прослушала. Придется рассказывать заново.

Он тянет ладошку, чтобы взять её за руку, но в последний момент она поднимает руку и гладит себя по волосам, как бы пытаясь причесаться. Он резко убирает свою руку в карман, словно так и было запланировано и начинает рассказывать нелепую историю со своей работы, а ей хочется рассказать ему про фильм, который произвел на неё сильное впечатление. Но только он не поймет этот фильм, как она не понимает, что смешного в человеке, который пернул, усевшись в магазине на новый выставочный унитаз.

– Смешно – говорит она и пытается перевести разговор в сторону фильма – А ты вот задумываешься о будущем?

– В смысле семья, дети?

– Да об этом задумываются абсолютно все. Я говорю про самого тебя, ну вот кем ты будешь через пять лет, например?

– Ну не знаю. Не хочу об этом думать.

– А раньше, я помню думал.

– Это раньше было.

– Так что поменялось?

– Наверно я. Я стал задумываться о семье, о детях. Это же все нужно содержать. Я думаю, ты тоже вскоре это поймешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Только без обид. Ты конечно большая молодец, там рисуешь, создаешь выставку с благотворительностью и прочее. Это классно, – говорит он и выдерживает паузу, чтобы дать ей возможность воспринять эту нелепую похвалу – Но только, что будет дальше?

– И что, по-твоему, будет дальше?

– Упущенное время. Когда нужно думать о семье, ты полностью погружена в свои рисунки. А потом, когда ты поймешь, что это все зря было, будет уже поздно. Разве не страшно встречать старость в полном одиночестве?

Она игнорирует этот вопрос. Может не хочет сбивать себя с правильного курса или же боится заглянуть вглубь. Но Аня помнит, как ещё несколько месяцев назад, Дима бегал по курсам и кастингам, хотел стать актером.

Он чувствует, что наговорил лишнего, хотя давно хотел открыть ей глаза. Он обнимает её за плечи, а она останавливается и приседает, чтобы поправить несуществующие шнурки, тем самым избежав объятий.

В день их знакомства стояла жара. Кое-где, если приглядеться, можно было увидеть, как от асфальта вверх поднимается пар. Машин было мало, зато прохожих очень много, и абсолютно у всех было мученическое выражение лица, этим они пытались показать свое отношение ко второму дню жары.

Дмитрий сидел на первой парте в душном кабинете. Окна и дверь были распахнуты, создавая сквозняк, но этого было мало. Учитель по актерскому мастерству, мужчина лет сорока с чуть выпирающим брюшком, раз за разом вытирал пот платком и вздыхал. Если бы его ученики, а их насчитывалось десять человек, были бы немного опытнее, то явно бы заметили оставшиеся следы вчерашней попойки на его бледном лице. Бутылка газированной воды, стоящая на его столе, была этому подтверждением.

– Конечно, вы должны понимать, что... Что то что я вам рассказываю, это все – учитель вытер пот со лба – Это все просто рассказывание. То есть я хочу сказать, что нужна практика. И еще раз практика – он подошел к столу, сделал большой глоток воды и продолжил – Вот недавно... недавно по центральному каналу шел сериал. Я принимал в нем участие в качестве актера второго плана... Фууу... ну и жара у вас тут, просто до нельзя... Так о чем я, ааа, вспомнил. Режиссер массовки, он работал с нами, раздал нам костюмы и ружья. Потом каж-

дый из нас, отходил в лес и стрелял из ружья в дерево, раз по десять. Вживался в роль той эпохи. В итоге эту сцену мы сняли за два дубля. Всего лишь за два – он поднял вверх два пальца – А это о многом говорит. И... Причина того, что дублей получилось мало, стрельба. Да да – стрельба. А стрельба – это была практика. Так – он снова выпил немного воды, вздохнул, потом засунул руки в карманы и вынул оттуда карточки – Это ваши роли на сегодня – он пошел по ряду, раздавая их – Ваша задача придумать биографию персонажа, потом подобрать для него интересную фишку. Например, картавить. А потом пойдете на улицу, недалеко и поговорите с прохожими... Ваша главная задача не знакомство. Просто не теряйте образ, чтобы не случилось. Запомните главное сохранить образ. Раз пять повторите с разными прохожими, и завтра все обсудим.

На карточки Дмитрия было написано «Журналист».

Анна поставила мольберт на асфальт, рядом установила раздвижной стул и села на него, пододвинула мольберт поближе к себе и оглянулась. Она будто находилась на острове, который, как океан, окружала автомобильная дорога с бесконечным потоком машин.

Она посмотрела вперед, где сквозь зеленые листья берез, был виден вход в маленькую часовню. Аня взяла в руки карандаш, прикусила нижнюю губу и стала рисовать.

Когда дорожка проецировалась на рисунок, Анна услышала сзади мужской голос:

– Девушка, я журналист интернет издания.

Она обернулась.

Лучи солнца осветили ее волосы, создавая над её головой нимб, и Дмитрий замер. Она была обычной девушкой, каких тысяча, но что-то заставило его смотреть на неё. Может быть всему виной солнце, которое преображает даже холодную зиму? А может прикусанная нижняя губа?

Дмитрий улыбнулся.

– Простите – сказал он, после небольшой паузы и поднял вверх правую руку. Мировой жест, означающий сигнал стоп – Кажется, я провалил задание.

– Задание? Это новый способ знакомства? – немного сердито спросила она.

– Нет – он протянул ей карточку с учебы.

– Журналист?

– Я хожу на курсы актерского мастерства. И вот сегодня нам раздали эти карточки. Мы должны были придумать образ под эту профессию и поговорить с прохожим.

– И что вы придумали?

– Я решил сделать своего журналиста – он задумался, потом щелкнул пальцами – Знаете, кто такой Макс Пэйн?

– Что-то слышала, но...

– Это такой меланхоличный тип. Он был полицейским, потом у него убили жену. И он решил отомстить. Но так как он все время про неё думал, то он запил. Получается мой журналист такой же, он пьет, пишет статьи и цинично рассуждает о жизни.

– Тогда да – проговорила она и улыбнулась.

– В смысле да?

– Вы провалили задание.

Он тоже улыбнулся, хотел сказать ей: Верно, подмечено, но передумал. Эту краткую неловкую паузу прервала она.

– А вас записывают на камеру при задании? – она осмотрелась – Я тут больше никого не вижу.

– А почему тут кто-то должен быть?

– Ну а кто скажет, провалили вы задание или нет?

– Ааа. Вы про это. Это я для себя провалил. Учителю то пофигу. Это итак понятно. Он свои деньги получил. Я ему десять тысяч отдал за семь дней, а он мне теорию рассказал. А дальше уже моя инициатива следовать этой теории или забить.

– Многовато.

– Сейчас все дорого. А можно я вопрос задам? Он будет немного глупым.

Она положительно махнула головой.

– Вот вы сейчас сидите и пишете эту церковь. Но вам же нельзя будет уходить с вашего места, пока картина не будет готова, чтобы ракурс не потерять?

– Это не глупый вопрос, я думала, вы спросите про наличие парня.

– А он есть?

– Нет.

– Понятно. А что касается ракурса?

– набросок. Сначала я сделаю набросок, а уже потом дома превращу его в картину.

– И сколько это займет по времени?

– Ну если никто не будет отвлекать – она улыбнулась – то часа три.

– А можно мне тут тихо постоять, понаблюдать. Мне интересен момент появления рисунка на листе. Я вот сколько не пытался, вроде голова понимает, что эта линия должна быть здесь, а руки рисует прям совсем другое.

– Только тихо – она мило улыбнулась.

– Отлично. Схожу-ка я за кофе, вам взять?

– Не откажусь.

– Что с этой картиной? – говорит Дмитрий вслух.

– Ты сейчас про что?

Их взору открывается серое одноэтажное здание, со старой угловатой архитектурой.

В прежние времена в нем заседали политики, потом сидели ученые, потом его отдали на переквалификацию электриков, а когда

учебный центр обанкротился, здание выкупил местный бизнесмен и стал устраивать гостевые выставки разных художников. И вот теперь подошла её очередь.

На фасаде здания, прямо над главным входом, уже повесили большой желтый баннер с синей надписью: «Двойная абстракция». А ниже её фотография и фотография ее подруги.

– Помнишь, когда мы познакомились – говорит Дмитрий – Ты рисовала картину. Церковь на площади.

– Что это ты вдруг вспомнил?

– Просто интересно, что с этой картиной? Ты ее закончила?

– Нет. Ты меня отвлек, а потом я перегорела этой идеей.

Сама выставка открывалась лишь завтра, а сегодня, как предварительный показ фильма, только для близких знакомых и спонсоров. Их основная задача определить главные недостатки картин (может, висят не так или некрасиво написаны), при этом стоит понимать, что ни один знакомый не скажет правду.

Дмитрий дергает на себя стеклянную дверь, отходит чуть в бок, пропуская её, затем входит сам.

Перед ним предстает огромный зал с белыми стенами, на которых висят картины. А посередине этого зала, практически во всю длину стен, стоит еще одна стена – модельная. Её сбили из досок и прикрепили к потолку, чтобы повесить как можно больше картин.

Возле входа стоит большой ящик, на нем изображен младенец с бутылочкой.

– Он тоже как элемент выставки? – показав пальцем на ящик, спрашивает Дмитрий.

– Это ящик благотворительности. Мы собираем деньги на лечение для детей больных лейкемией – говорит Анна и бросает в ящик сто рублей.

– Я так и думал. Хотя крылась надежда, что вы специально поставили этот ящик. На злобу дня.

– На злобу дня?

– Сейчас по телеку то и вон везде просят помощь на лечение болезней, я подумал, что вы продергиваете это.

– Может в следующий раз, если – она смотрит на него какими то усталыми глазами, будто ей все это надоело и ещё одно слово, и она взбесится – Ты пока поброди, мне нужно отойти.

Дмитрий не любил картины, он их считал чем-то ненастоящим и никогда в этом не признавался Анне. Для него это было не творчеством. Ведь какое творчество сидеть и копировать карандашом или красками известные места в городе, известных людей или вазы с едой.

Но здесь ему не нравилось абсолютно всё. Картины абстракции. Да любой школьник может нарисовать нечто подобное!

Он подходит к первой картине.

Черный фон с белой рамкой – похоже на окно. Там за ним фонарь светит на белый снег, а снежинки в виде букв, составляют слово – Разочарование.

«Разочарование».

И он вдруг вспоминает, где видел похожий пейзаж. Это было зимой в кафе. Они сидели возле большого окна. За ним была ночь, освещенная фонарями, стоящими вдоль пешеходного тротуара. Сквозь их лучи были видны маленькие снежинки. Тогда он опоздал, был на кастинге фильма. Фильма, который, как и многие другие фильмы в этом городе, умирали на стадии кастингов.

Она пила кофе, когда он вошел.

– Привет! – он сел напротив нее.

– Привет, как прошло?

– Да как! Взяли. Кого им ещё было брать то. Я пришел один единственный на эту пробу.

– Ты им понравился, иначе бы не взяли.

– Да ладно тебе. Итак, понятно, что меня взяли, потому что больше некого. У меня есть такие мысли, бросить все это и жить как все.

Он заметил, что в ней тогда произошли изменения. Она немного сощурила левый глаз. Так обычно смотрят на труса.

– Может не стоит сдаваться? – сказала она.

– Да, но и упираться в стену как баран, мне, кажется, тоже не стоит.

– Стену то можно проломить.

– Знаешь, если честно, мне в последнее время кажется, что мы с тобой живем в иллюзии. Есть нормальный мир, а есть мы, которые придумали себе свой. И никак не можем свой мир запихнуть в реальный.

Она промолчала.

«Разочарование. Неужели. Да нет...»

Он находит глазами её. Она в конце зала выравнивает картину.

«Разочарование. Это просто картина».

– Дим, привет – со спины раздается женский голос.

К нему подходит высокая девушка на каблуках. Ему кажется, что если она снимет туфли, то сразу станет маленькой и её привлекательная фигура, обтянутая узкими брюками и блузкой тут же превратится в фигуру толстой девушки.

– Привет – отвечает он Алене, второй художнице этой выставке.

– Ну и как тебе?

– Честно?

Вместо ответа она кивает головой.

– Я не понимаю такие картины – продолжает он – Для меня, картина это пейзаж, портрет. А вот эти разноцветные я не понимаю.

– Это же абстракции, жанр такой.

– Да я знаю, Аня мне про него рассказывала. Но в чем его смысл?

Алена хихикает, но потом резко возвращает серьезное лицо.

– Ты чего? – спрашивает он.

– Не обращай внимание... Абстракция – то нечто неуловимое, смотришь на них и думаешь о своем. А высший пилотаж такой картины, если каждый человек найдет в ней свой смысл. Ты только представь семь миллиардов смыслов, для одной картины. Ведь это невероятно круто. А классические, что в них? Просто копия и все. И к слову все знаменитые художники рисовали в абстракции. Возьми того же Ван Гога. Хотя от него я такого не ожидала.

– Почему?

– Ван Гог – это восточный человек. А искусство востока отличается от искусства Европы. Знаешь чем?... В Европе простую мысль усложняют до неприличия. Например Кафка или Ремарк. Последний пытался сказать, что война надламывает не только солдат. И выражал он это на пятьсот скучнейших страниц своего романа. И так все запутал, что я только на пятый день после прочтения поняла – она улыбается, чтобы не показаться слишком глупой – Ну а если взять Восток. Там он хочет сказать, что в каждом человеке есть грех, то он это и говорит прямым текстом, без всяких круговоротов.

– А ты в курсе, что Ван Гог голландский художник?

Она замирает, задумывается, удивляется – все эмоции видно по её глазам. Потом улыбается и говорит:

– Ты шутишь?

– Нет. Он на самом деле голландец.

– Тогда все встает на свои места. А я почему то всегда думала, что он китаец.

– Наверно из-за имени.

Анна отходит от картины, смотрит на нее, пытаясь сравнить грань картины с ровной полоской потолка. Вроде ровно. Она разворачивается и видит, как он беседует с ее подругой. И нет, в ней не родилась ревность, она прекрасно знала, что Алене нравится другой типаж мужчин. В ее голове всплывает день, когда она решила, что с ним все кончено, но до сих пор ему об этом не сказала.

Боялась его обидеть?

Нет.

Она боялась изменить что-то в своей жизни, ибо одно изменение повлечет другое, а кроме него ее все устраивало.

С утра тучи покрывали небо, а потом выглянуло солнце, хотя воздух оставался холодным. Она взяла с собой мольберт и краски, чтобы порисовать бушующие волны. Он просто поехал с ней.

Красивые лесные пейзажи проплывали перед её глазами под стук колес электропоезда. Он, молча, смотрел вперед, будто решался сказать нечто важное, и наконец, когда их станция была близка – решился.

– Я завтра иду на собеседование.

– Новая роль? – спросила она

– Нет. Я бросаю актёрство.

Он знал, что это её расстроит.

– Но ты же так много в нем добился.

– Много? Интересно чего?

– Ты снялся в четырех фильмах, столько курсов окончил.

– Ну и что!. Все эти фильмы местные, сплошной шлак, лишь бы заявить, что мы снимаем фильмы. А в те хорошие мне никогда не попасть.

– Ты просто не пытался.

– Еще как пытался, но это все тщетно. Я решил – хочу обратно к живым людям. Хочу приходить усталым с работы, а потом идти развлекаться. Хочу обсуждать футбол, а не актерские работы хрен пойми кого. Да и за что им вообще деньги такие платят. Вот пересматривал старый сериал, а там актер сидел и плакал. А я такой подумал: На кой хрен я это смотрю.

– И куда пойдешь? – перебила она.

– Продавцом.

– А ты не пожалеешь потом?

– Главное, чтоб поздно не было.

Она не поняла его тогда, как не понял бы рыбак киномана.

Еще не ночь, но уже темно. Последние гости покидают выставку, награждая двух девушек заслуженной похвалой. Но если судить по их прямому взгляду, то скорее всего они врут или приукрашивают.

В здание выставки погас свет, это Алена выключила его с улицы, а потом заперла вход на замок.

Возле него стоят Дмитрий и Анна, они делают вид, что копаются в телефоне, а сами думают, чем нарушить повисшее молчание. К ним подходит Алена. Она смотрит на него, потом на нее.

– Я не знаю как тебе, – говорит Алена – но мне кажется, что это наш шанс либо победа, либо проигрыш.

Дмитрий смотрит на Алену, потом снова на Аню. Вот она облизывает губы и проводит рукой по волосам. Она всегда так делает, когда думает.

«Она хочет послать Алену».

И от этой мысли он улыбается.

– Дим – говорит Аня – нам с Аленой надо ещё поработать над программой выставки. Музыка подобрать и все такое, ну ты понял – она незаметно в бок толкает подругу.

– Да. Надо сделать все завтра идеально – поддакивает ей Алена.

– А мне завтра очень рано вставать, буду товар с Москвы принимать – говорит он и для убедительности зеваает, чтобы скрыть разочарование в голосе.

– Пока.

– Пока.

Они целуются в губы, но ему кажется, что её поцелуй холодный. Он смотрит на неё, улыбается, она в ответ. Он машет рукой, разворачивается и уходит.

– Что ты ему мозги пудришь? Задумала бросать – бросай – тихо говорит ей Алена.

Мелкий дождь стучит по его волосам. В лужах отражается разноцветный спящий город. Вот тишину нарушает громкий визг мотора. Мимо Дмитрия с бешеной скоростью проезжает машина, а потом снова наступает тишина. Его мысли о ней, об их отношениях и об ее непонятной холодности к нему. И вдруг он останавливается, вспомнив их разговор на крыше...

Красное вино, звездное небо над головой, огоньки свеч, отражающиеся в ее глазах, и она, такая таинственная и прекрасная. Они болтали о всякой ерунде, в основном о фильмах и живописи. Беседа велась непринужденно, пока он все не испортил.

На столе остались только свечи и вино, они повернулись к темному городу. Наступило молчание, которое должно было перерасти в поцелуй, но в его голове кружилась мысль. Она как сорняк проросла еще в начале их ужина, потом он сумел её забыть, а теперь вот снова.

– Может съедимся? – спросил он.

Эти слова нарушили их уединение. Она пронзительно посмотрела на него.

– Гражданский брак?

– Как бы да – ответил он.

– Не приемлю.

– Почему?

– Да это все бред. Нет никакой ответственности не перед кем. В обычном браке нас держит все. Как бы выразиться... В нем у людей появляется ответственность, общие ценности – и они подтверждены печатью в паспорте. И даже если любовь будет спадать, а спадать она будет в любом случае, эта печать, пусть кто бы, что ни говорил – держит вместе. А гражданский брак – съехались, потрахались, разъехались.

– А разве гражданский не является репетицией к обычному?

– Репетиция – это наши встречи. Вот сам посуди. Я получаю зарплату или лучше так. Девушка получает зарплату, и парень получает зарплату. Они живут гражданским браком. Только вот зачем им скидываться и покупать общие предметы, например кровать. Их же этот брак может через месяц кончиться, как они её будут делить.

Он не нашелся что ответить. Да и как можно было ответить на вопрос, зная, что это приведет к бесконечному спору. А звездное небо, вино и её блестящие глаза – никак не вязались со спором. Поэтому он перевел тему

– Завтра в кинотеатре фильм со мной будут показывать, наш местный фильм. Пойдем?

– Серьезно – она улыбнулась и стукнула его кулаком по плечу – Что же ты молчал?

«Точно. Нужно сделать ей предложение» – проносится в его голове.

Он улыбается и продолжает путь домой.

Время на черных часах показывает пять сорок девять утра. За окном еще темно и тихо. Лишь слабый стук дождя в стекло нарушает безмолвие улицы.

Но его сон беспокоит не дождь, а странный грохот посуды на кухне и сухость во рту. Павел приподнимается, жены рядом нет, он трогает её половину кровати – холодная. Он садится. В голове ещё гул от алкоголя.

И как это всегда происходит, у него звонит маленький телефон не оформленный на него.

«Они за мной следят?» – проносится у него в голове.

– Слушаю – говорит он в трубку.

– Знаешь, что я не люблю в людях? – спрашивает мужской голос, в котором Павел узнает Виктора.

– Ты для этого мне звонишь в шесть утра?

– Когда мы с тобой договаривались о сотрудничестве, было одно условие. По пустякам я тебя не беспокою, а вот если случится катастрофа, то могу позвонить даже ночью. И это мой десятый звонок тебе.

– Катастрофа?

– Руслана убили. И скорее всего это сделал Лист. Надо его брать, он очень много знает. Встретимся возле больницы на вокзале около двух.

– Хорошо.

Они одновременно обрывают связь. Павел поднимает глаза, он смотрит, как капли дождя стекают по стеклу. И ему вдруг очень хочется в душ, чтобы просто освежиться, чтобы прийти в норму. Он даже начинает чувствовать свежий запах воды.

Паша встает, его ноги слегка подкашиваются.

Он идет на кухню, проходит сквозь зал, в котором еще горит экран телевизора. Там спит их дочка.

За столом на кухне сидит Юлия, перед ней стакан чая и кроссворды. На плите что-то варится.

– А чего ты у неё телевизор не выключила? – он садится рядом с ней.

– А вдруг проснется, а будет еще темно – отвечает она, потом смотрит на него пронзительными зелеными глазами – Она вчера тебя ждала.

– Тяжело это все.

– Мне тоже нелегко.

– Но вы как то это все проще переносите – и чтобы не продолжать эту тему, он встает, подходит к окну, из щели которого дует свежий прохладный ветерок.

– Кофе будешь?

– Давай.

Сквозь капли дождя, застывшие на стекле, он видит фары проезжающих по дороге машин и разноцветные огни светофора.

Этот искаженный цвет фар, он видел его и тогда, когда ждал свою дочь в машине возле больницы, она брала справку для ВУЗа. Тогда тоже был дождь.

Сильный проливной дождь, кажется, в этом городе таких еще не было. Вода заполнила дороги и тротуары, в которых забыли пробить дренажные отверстия. Люди ходили по дощечкам, а автолюбители боялись заезжать в лужи, они останавливались, включали аварийки и разворачивались.

Он сидел в машине, которую буквально на днях купил в кредит и курил в полностью открытое окно. Его правая рука была вся мокрая от капель дождя, но Алина не любила запах сигарет, поэтому лучше было намочить только руку. По колонкам играла современная песня с повторяющимся до неприличия припевом, который заселялся в голове на долгое время. Медленно тянулись машины, пробегали люди, жизнь кипела.

Раздался звонок его сотового. Он взял трубку.

– Пап, тут врач, наш участковый, хочет, чтобы ты к нему зашел.

– Зачем? – его голос напрягся.

– Не знаю. Он мне не сказал. Сказал, что хочет поговорить с родителями и все.

– Ладно, сейчас.

Он выключил радио, поднял стекло, вышел из машины, немного помахал перед собой рукой, чтобы избавиться от запаха сигарет и направился в больницу.

Не было ничего фантастического, время не остановилось и даже не замерло; люди так и пробегали мимо него по лужам, машины так и проезжали по дороге. Но смутное тревожно чувство поселилось в нем. Из-за этого он даже несколько раз толкнул входную дверь от себя, а нужно было на себя.

– 202 кабинет – сказала Алина, когда он подошел к ней.

Павел постучался в белую дверь, вошел.

Седой доктор сквозь очки вопросительно посмотрел на него.

– Алина Чернова – сказал Паша.

Доктор тяжело вздохнул, поправил очки.

– Я подозреваю у нее лейкемию – проговорил он – Но это пока подозрение, нужно взять...

– Иди пей – говорит Юля.

Павел отвлекается, садится за стол, берет обжигающую чашку кофе.

– Все таки я думаю, нам стоит поговорить с тобой об пьянке – говорит она – Ты губишь не только себя, но и её. Она ведь переживает за тебя.

– А что ты хочешь услышать? Если бы её лечение зависело от моих действий. Я бы их делал. Нужно работать по ночам – работал бы, нужно целовать в жопу врача – целовал бы, нужно убить – убил бы. Но тут от меня требуются только деньги, и я их приношу. И ты знаешь, откуда я их приношу, и чего мне это стоит. Поэтому не надо...

Их взгляды встречаются. В его она видит сожаление, граничащее с раскаянием. В ее он видит любовь и честность, то чего не хватает ему. Он отводит глаза, делает глоток горячего кофе, по телу проплывает тепло.

– Поговорим о другом – говорит он – Тебе нужно продать нашу машину твоему брату, а лучше его жене.

– Зачем?

– Надо полностью погасить кредит, чтобы квартира вновь вернулась к нам.

– У них с деньгами то не все в порядке.

– Это все ерунда. Ты просто отдай им машину, но составь договор купли продажи на сумму покрупнее, но не слишком завышай.

Она кивает головой, улыбается.

– Ты чего? – спрашивает он.

– Люблю тебя – говорит она.

– И я.

Примерно в семь двадцать утра он выходит из дома и идет пешком в сторону работы. Всего нужно пересечь три улицы и примерно восемь остановок.

Пешеходные тротуары пусты, все люди толпятся под навесами остановок и ждут транспорта. Зато автомобильные дороги заполнены, и лишь мелкий дождь сбивает этот выхлопной запах, которым пропитались все крупные города.

Чуть правее остановки «Красина», он замечает знакомую серую машину с пробитым передним колесом, возле неё стоит знакомая девушка. Черные прямые волосы, узкий нос, немного полные губы, карие глаза, длинные ноги и короткая юбка. Он останавливается, вспоминая, где её видел.

Точно.

Шапочное знакомство. Они работают в одном здании, но в разных отделах. При встрече в коридоре они здороваются и проходят мимо.

Он подходит к ней.

– Привет. Помочь? – спрашивает он.

Она недоверчиво смотрит на него.

– Капитан Чернов – говорит он и тыкает себя указательным пальцем – Вчера в коридоре виделись.

– Извини – она улыбается – на лицо помню, имени не знаю.

– Паша.

– Люда.

– Что случилось?

– Колесо пробила, вызвала выездной шиномонтаж, Вот стою, жду.

– Давай помогу.

– Да не надо. Приедут, сделают – не уверенно, отвечает Людмила.

– Открывай багажник.

– Нет. Я уже их вызвала, они приедут, меня не будет и в ЧС занесут. А мне они еще пригодятся. Так что спасибо большое.

– Ну гляди – выдержав небольшую паузу, говорит он.

– Встретимся на работе.

Он кивает, отходит от неё чуть подальше, закуривает и продолжает свой путь.

Полицейский участок располагался удаленно от дороги. Перед самым серым трехэтажным зданием была асфальтная парковка, где работники ставили машины. С севера эту парковку окружали огромные тополя, которые вот уже три года, каждую весну и осень намеривались срубить, но все откладывали.

Павел заходит на территорию парковки и тут же чувствует удар в плечо.

– Здорово! – говорит ему Виталий. Это крупный мужчина с широкими плечами, коротко подстриженный и гладко выбритый.

– Здорово.

– А ты че это без машины?

– Продаю. А ты?

– А я на машине. Купил на днях, конечно, пришлось в кабалу влезть на пять лет, зато ноги поберегу.

– Поздравляю.

– Спасибо. Слышал новости то?

– Какие?

– Руслана Жирного убили. Говорят, Лист его завалил, а его наша мадам упустила вчера.

– Мадам?

– Люська Катаева. Пошла брать, а самого основного упустила.

– Хрен ли, бывает. Да и с тобой такое было, помнишь Картавого то. Как ты его догонял.

Они одновременно улыбаются.

– Были времена – говорит Виталий – Кстати о них, давно вы у нас в гостях не были. Как жена, дочка? Здоровы?

– Да нормально – отвечает Павел – Все здоровы.

– Алинка же у тебя, кажется, школу кончила. Поступила?

– Да. Инженер связи – Павел замолкает, понимая, что такого, скорее всего никогда не будет – профессия такая. В местный вуз.

– Молодец она у тебя – Виталий смотрит на наручные часы – Время еще есть, может по чаю.

– Только покурю, угощайся – Паша протягивает открытую пачку другу.

– Да бросил. Жена заставила, говорит рак будет.

– Ну тогда щас, я быстро – Паша снова закуривает.

Глава 2

Ограбление

Раскат грома оглушает город, сквозь стеклянную дверь метро Дмитрий видит зигзаг молнии, разрезавший небо.

Он замирает, вспоминая разные страшные истории про молнию, потом толкает дверь и выбегает под проливной дождь.

На улице темно от черных туч. Ветер бушует наравне с дождем, пытаясь сорвать дорожные знаки. Прохожие попрятались в магазины, там их молния точно не достанет.

Пробежав на красный свет, проезжую часть, он вступает на мост и напрягает все свои оставшиеся силы. Сейчас главное не сбавлять бег.

Виктор конечно был богат, но никогда не показывал это богатство на людях. И для этого, пожалуй, была всего одна причина. Он знал, что ребята с улицы всегда выбирают самые богатые машины, самые дорогие костюмы и самые сверкающие украшения – Они сначала калечат и убивают, а только потом разбираются в личности жертвы.

Полностью тонированное белое рено, на каких обычно разъезжают таксисты, стояло во дворе больницы на парковке для клиентов. Машин других клиентов было не много, так как большинство предпочитают посещать больницы до обеда.

Из-за угла вышел Павел. На ходу он втянул в себя весь дым, какой еще могла отдать ему сигарета и выбросил окуроч. Потом он остановился, повернул голову вправо и скосил глаза назад. Немного постоял так и подошел к рено, сел на переднее сиденье.

Виктор сидел за рулем. Это был мужчина за пятьдесят, с короткими черными волосами, на висках белела седина. Его лицо было обычным лицом средне статистического человека этого возраста, одет он был точно так же – синие джинсы, кофта и светлая осенняя куртка. Но его глаза... Именно они показывали всю власть хозяина над другими. Как только они видели собеседника то тут же начинали смотреть на него не переставая, чем вводили последнего в замешательство. Вот и сейчас Виктор посмотрел на Павла, словно пытался прочитать на его лбу маленькие надписи.

– Все в шпиона не наиграешься? – проговорил Виктор.

– Мало ли чего – ответил Павел. Его взгляд смотрел вперед, он даже не думал повернуть его к собеседнику.

– Бывало у тебя – выждав паузу, сказал Виктор – Что вот ты чувствуешь, что что-то вечером пойдет не так.

– Нет.

– А у меня сейчас такое чувство. Я думаю, что Лист испортит сегодняшнее ограбление выставки. В последнее время он стал себя вести неподобающе, дерзил, противился. А тут еще зачем-то завалил Руслана.

– Он в курсе ограбления?

– Ты издеваешься? – почти выкрикнул Виктор – Я тут сию рассказываю о переживаниях... Хе... А ты такой... Конечно блин он в курсе.

– А че ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты постоял у входа на выставку, и если что схватил бы Листа. Предсказываю твой вопрос. Он их знает в лицо.

– И меня он видел.

– Не строй передо мной дурачка. Ты же сам прекрасно знаешь, что невозможно вспомнить лицо человека по одной встрече.

– Только валить я его не буду – Павел посмотрел на Виктора.

– И не надо.

Дмитрий вбегает под навес, и тяжело дыша, останавливается. Немного подождав, пока дыхание восстановится, он заходит в здание.

Народу много. Мужчины, женщины, пары – все бродят, рассматривая картины. Некоторые с очень умным видом, стоят возле непонятого рисунка и рассуждают об его значении, другие любят пейзажами, говоря, что видели точно такой же в таком то году.

Дмитрий сдает мокрую куртку в гардероб, потом ищет глазами Анну. Вот она, разговаривает с каким-то парнем. Она видит Дмитрия, и поднимает вверх два пальца.

«Две минуты».

Потом переворачивает их и шевелит.

«Подойду к тебе»

Дмитрий кивает, осматривается и идет направо. Кажется, вчера он пропустил эти картины.

Первая картина, которая попадает ему на глаза. Голубой фон, на нем красная ваза с черной прерывистой полоской.

«Эту вазу, её разбили и склеили. Но зачем склеивать осколки?»

Начинает играть музыка. Она медленно заполняет все пространство зала, а говор людей затихает.

Удары по клавишам пианино, скрипка, удары. И наконец, громко начинает играть вторая скрипка. Она напевает всеми знакомую мелодию.

– Сегодня народу на удивление много – говорит Алена, подойдя к нему.

– Это Моцарт?

– Вот и снова встает вечный вопрос. Что важнее помнить, создателя или его творение.

– Моцарта итак все знают.

– Это не Моцарт. Это Адажио Альбиони. Ну конечно это не он её написал, так говорят. Якобы эти ноты нашел какой-то мужик в двадцатом веке, и говорит, что она якобы принадлежит Альбионе, он её написал перед смертью. Глупая легенда, я думаю этому мужику просто не хватило смелости признаться, что она его, и он придумал все это. Однако, кто бы её не написал, она меня всегда наводит на мысли о жизни и смерти. Знаешь, сядишь включишь её и понеслось, словно плюс и минус. Сначала хорошо, потом резко плохо и снова хорошо. Она играет чувствами. Мы вот подумали с Аней, что она заставит людей сильнее погрузиться в наши картины.

Крупные капли дождя каплют перед его лицом. Павел стоит за углом под навесом одноэтажного здания, которое находится напротив входа в выставку. Он курит, а холодный ветер пронизывает его одежду насквозь.

Не успел Дмитрий отвязаться от Алены и подойти к другой картине в разноцветных красках, как к нему подходит Аня.

– Как тебе тут? – она пытается казаться доброй хозяйкой, и у нее это получается. Во всяком случае, он верит её словам и начинает рассказывать о своих мыслях про картины. Но она видит, что его глаза бегают, будто он врет. А он не врет, просто говоря об одном, его мысли о другом:

«Выходи за меня... Помнишь Помнишь мы говорили».

– Помнишь мы говорили – Дмитрий резко меняет тему разговора – о гражданском браке на крыше тогда.

– Ну...

– Я – он не дает ей закончить, боится потерять запал – хочу создать с тобой семью, выходи за меня... Только прости, я еще не купил кольца, думаю это не слишком важно... Но если хочешь...

Он пытается ей рассказать ситуацию из сериала, когда главный герой делал предложение своей девушки два раза, так как в первый раз кольцо не подошло. А она смотрит ему в глаза. В добрые полные любви к ней глаза, которые немного слезятся от волнения. Её глаза печальны, она то и дело отводит их, боится, что он прочтает в них горестный ответ на свое предложение.

Все ещё играет музыка, скрипка на второй раз начинает петь...

Резко или даже неожиданно, как веревка с грузом, которой осталось совсем немного продержаться вес, всё обрывается...

Звук выстрела проносится по залу, за ним следует звук удара чего-то тяжелого об пол. Крик людей перед опасностью смерти смешивается со скрипкой. И именно это совокупность звуков окатывает, словно холодная вода, Анну и Дмитрия. Они оба разворачиваются, в глазах Анны медленно растет страх, и она открывает рот, чтобы закричать.

– Тихо всем – громким криком останавливает её парень в маске и черной одежде. На его руках белые хирургически перчатки, в которых он держит пистолет, направленный вверх. Двое других точно в такой же одежде, бегут к ящику.

– Лицом в пол всем без исключения. – уже спокойно продолжает он – Беременным, кормящим, ветеранам. Всем! Мы не хотим проблем, вы не хотите проблем. И я думаю никому не стоит повторять ошибки вот того гражданина. Сначала мы возьмем деньги в ящике, а уже потом, мой дорогой друг, соберет ваши ценности... И это, пусть играет музыка. Она придает эпичности.

Постепенно, как снижается темп музыки, так люди, пренебрегая брезгливостью, падают на пол, кто-то даже кладет нос на грязный пол.

Все легли, кроме Дмитрия. Он остается стоять, словно большое дерево в пустом поле. Аня дергает его за штанину.

– У нас тут герой – парень с пистолетом крутит головой, потом направляет ствол на Дмитрия – Или ты хочешь сразу сдать свои ценности? Ты попутал, сначала ящик, потом вас. Просто ляжь и будешь цел – он подходит к Дмитрию и упирает дуло пистолет в его лоб – Ляжь на пол!

Двое других собирают мелкие купюры из ящика в пакеты.

– Это ведь не кино, это жизнь – говорит парень – Тут не получится так, что ты вдруг завалишь трех парней с пушками. Это просто нереально! Ты скорее увидишь черный свет перед глазами. Но думаю больно не будет... Какого хрена ты стоишь? Обкурился что ли?

Он пристально смотрит на Дмитрия, потом на мгновение сжимает глаза вправо, чтобы посмотреть на товарищей.

Дмитрий двумя руками бьет по его руке с пистолетом, та отлетает в сторону, раздается выстрел. Один из парней, возле ящика, замирает, а потом бьется головой об пол. Второй выхватывает пушку.

После удара руками, Дима тут же бьет его ногой в пах, тот загибается, а Дмитрий хватается его за руку с пистолетом, завязывается возня.

Раздаются еще выстрелы. Дмитрий чувствует острую боль в ноге, словно её насквозь проткнуло нечто горячее. И в это же время хватка его соперника ослабевает, с его головы падают капли крови.

Третий смотрит на труп товарища возле своих ног, потом на другой труп, падающий на пол и на причину их смерти. Он бросает пистолет, хватается собранные сумки с деньгами и убегает.

Боль жжет рану в ноге, перед глазами Дмитрия плывут звездочки, появляется темнота, и он падает на пол возле своего соперника.

Раздается еще один выстрел. Пуля пролетает над всем залом и застревает в пандусе прямо под картиной Ани «Непонятная любовь».

На ней изображено три человечка, руки и ноги просто полоски, туловище в виде треугольника, а голова круглая. Они стоят в ряд. Первый держит за руки второго, а второй смот-

рит на третьего. Создается ощущение, что-либо средний смотрит на правого, но любит левого, либо он держит левого, но любит правого.

Почему-то взгляд Ани задерживает на этой картине, и только поняв, что все уже давно закончено, она подскакивает и смотрит, как Диме оказывают первую помощь.

Павел видит, как из дверей выставки выбегает человек и бежит в сторону моста. Тут же с другой стороны раздаются полицейские сирены.

– Слишком быстро – шепчет сам себе Павел и медленно уходит в третью сторону.

Телевизионный кадр.

Толстая женщина на фоне здания выставки, снизу слева надпись: Галина Елунина. Инженер связи.

– Да – говорит она – Это был шок. Врываются, стреляют. Я до этого-то звуки выстрела слышала только в телевизоре, а тут прямо уши закладывает. А этот молодой мужчина не испугался. Он как в боевики раз-два и всех их побил, и нас спас. Подождите, давайте переснимем, я хочу это по-другому сказать...

Иван смотрит на эти кадры по телевизору в полупустом баре. Это толстый молодой парень в очках. Он пишет статьи для интернет изданий.

Меняется кадр, снова показывают кадры ограбления выставки с камер.

– Похоже на цирк – рассуждает Иван вслух и отпивает пива из бокала.

– Что? – спрашивает у него рядом сидящей парень, лет тридцати.

– Да говорю похоже на цирк. Представление. Неужели кто-то в это поверит. На него направили пистолет, а он не упал. Почему?

– Ну а ты как думаешь?

– Думаю все это было подстроено. Может пиар ход такой. Сейчас на что только не идут ради рекламы.

– Не думаю, что это реклама – вмешивается в разговор толстый бармен – Два труп.

– Ну а что тогда? – говорит Иван и наклоняется вперед – На него наставили ствол, а он стоял. Ради чего спрашивается. Я бы лично лег, а ты?

На экране появляется худой мужчина с усами. Надпись снизу слева: Владимир Потапов. Тренер.

– Кукуру – говорит он и сжимает руку в кулаке – Знаете, что это? Это яйца по-итальянски. У этого парня железные кукуру. Он герой. Это не вымышленный супермен откуда-то оттуда, он настоящий. Так разделался с грабителями.

– Почему вы так не сделали? – раздается женский голос за кадром.

Этот вопрос застает мужчину врасплох.

– Я? – говорит он и немного думает – Он стоял ближе к ним, а я был в дальнем углу. Расстояние не то. Но он герой с железными кукуру.

Людмила с полной решительностью толкает дверь маленького кабинета в здание выставки. Там на столе стоит телевизор, немного правее висит аппаратура для воспроизведения в большом зале музыки, а немного левее от входа на подоконнике сидит Игорь.

– Я возьму это дело – говорит она, закрывая дверь.

– По-моему он путает – произносит он, смотря в телевизор – яйца по-итальянски – кокко.

– Ты про что?

– Да мужик сейчас в новостях перевел яйца на итальянский, как кукуру. А по-моему это кокко.

– Причем здесь яйца. Это шумное дело, я возьму его.

– Да погоди ты – Игорь машет рукой и слезает с подоконника, он идет к телевизору и выключает его – запись то видела?

– Ну да пару раз в интернете посмотрела.

- Что ты мне про неё скажешь?
- Понятие не имею – отвечает Людмила – Она могла попасть к журналистам любыми путями. В конце концов они даже могли её украсть.
- Да я не про это! Что ты думаешь о ее содержании?
- Ааа о герое?
- Да.
- Скажу так, это все очень очень странно. На него наставили пистолет, а он не упал. Почему?
- Вот и у меня такой же вопрос. В общем уговор один. Прежде чем доносить репортерам результаты расследование, сначала все расскажешь мне.
- Но при любом раскладе интервью я им дам.
- Ладно... дело твое.
- Спасибо – улыбается она и открывает дверь, потом замирает, оборачивается и произносит – Коноли.
- Что?
- Яйца по-итальянски – коноли.
- На экране молодая девушка. Надпись слева: Екатерина Кузеванова. Студенка.
- Все произошло очень неожиданно. Выстрелы, стрельба... Я сразу же упала на пол. Ничего не видела. Было страшно. А мальчик, он молодец, если бы не он...
- Паша поднимается по ступенькам домой. В руках у него пакет с шоколадным мороженым. Алина, дочка, перед его уходом попросила купить шоколадное мороженое, и он пробежал четыре супермаркета в его поисках. Звонит маленький сотовый. Павел останавливается на первом этаже, закуривает и только потом берет трубку.
- Слушаю
- Я смотрю, ты не собираешься мне звонить – звучит голос Виктора в трубке.
- Ты разве еще все не видел в телевизоре? Нового я ничего не скажу. Листа не было, никого посторонних не было. Но полиция приехала слишком быстро.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Пока еще ничего. Пока это только факт.
- Понял. Завтра утром возле парка. И кстати познакомлю тебя с новым связным.
- Связь обрывается, Павел начинает идти дальше. Его шаги медленные и словно подчинены какому-то только ему понятному ритму. На третьем этаже он выбрасывает сигарету на бетонный пол подъезда, зажевывает её вкус мятной жвачкой и открывает дверь ключом.
- Он сразу замечает тишину. Нет, конечно до его ушей доносится звук включенного телевизора, но он не слышит скрипа дивана, шагов жены, хруста чипсов, чайника. Лишь яркий свет во всех комнатах и звук телевизора. Будто хозяева квартиры просто испарились, а бытовая техника и свет продолжают жить своей жизнью.
- Он, не раздеваясь, проходит в зал. Расстеленный диван дочки, ее любимый сериал про врачей по телевизору, только её самой нет.
- На мгновение у него обрывается дыхание, он впадает в ступор, закрывает глаза, сжимает левый кулак, бросает пакет с мороженым на пол.
- Как она? – говорит он в сотовый телефон.
- Нормально – голос жены дрожит.
- Где вы?
- В гор. больнице. Не приезжай. Не надо.
- К его горлу подкатывает ком. Он сжимает зубы, идет к холодильнику, достает водку, наливает, ставит бутылку на стол. Смотрит на жидкость в стакане. И тут вдруг понимает, что сейчас пить нельзя, Юлия ждет его там. Он выключает свет и уходит.
- На экране телевизора девушка. Надпись снизу: Марина Яхонтова. Менеджер.

– Мне не было страшно. Видите ли, когда я услышала выстрелы, то первая мысль была спрятаться. А тут дверь в каморку... чулан... в общем дверь с надписью служебный вход. Я ручку дернула, забежала туда и закрыла её за собой. Смотрю, а там телевизор, он показывает то, что происходит в зале. Ну я и решила все это снять на сотовый. Я, наверное, единственная, кто все видел полностью, не прячась.

Людмила заходит домой. Её встречают две подруги Темнота и Одиночество. От одной она избавляется быстро, просто включив во всей квартире свет. А вот от второй просто так не избавишься... Она представляет, что её сейчас выйдет встречать любимый молодой человек. Он улыбнется, обнимет её и спросит:

«Как дела?».

«Хорошо» – ответит она ему.

«Я гляжу ты устала, давай поухаживаю за тобой».

Но стоит тишина, лишь говор людей из соседней квартиры нарушает её. Он делает ее одиночество более трагичным.

«Они там живут нормально, а я»

Она начинает снимать верхнюю одежду, попутно прокручивая в голове события ограбления и действия этого «героя». Но, наверное, она слишком сегодня вымоталась, так как мысли об ограблении бьются в стену жуткой тишины.

И чтобы избавиться от нее, она включает телевизор.

На экране показывают кадры сегодняшнего ограбления. Она переключает на другой канал – тоже самое. На третьем – тоже ограбление. Она бросает пульт на диван и идет на кухню.

Поставив разогревать быстро приготовленную еду в микроволновку, она наливает в бокал вина и делает глоток.

– Почему он не испугался? – говорит она, представляя квартиру своим собеседником – Жаль, что мне не дали сегодня поговорить с ним. После ранения, он конечно бы ляпнул что-нибудь такое. Они всегда ляпают, думают облегчить себе боль, а потом адвокаты доказывают, что в те моменты они были без сознания. И все-таки почему он не упал?...

Раздается сигнал микроволновки. Её ужин готов, но ей вдруг хочется принять ванну. Она затыкает отверстие ванны, включает воду, а сама представляет себя на месте этого парня.

Упала бы она на пол или нет? Скорее всего упала.

Она уже давно на практике поняла, что все, что показывается в фильмах про полицейских – как главный герой смеется в лицо пистолету – не бывает в жизни. Это надуманно. В жизни стреляют сразу без монологов и падают на землю без геройства.

Но почему он не упал?

Людмила берет с собой в ванну бутылку вина и бокал, по пути съедет кусочек сыра, раздевается и погружается в теплую воду, дверь ванной комнаты настежь открыта, все равно она здесь одна.

На экране телевизора женщина. Надпись снизу: Наталья Хамкина. Домохозяйка.

– Знаете, сегодня я обрела смелость. Потому что есть такие люди. Они герои. Вот полиция... Не знаю можно ли такое говорить... Но я боюсь полиции. Столько историй плохих про неё. На мой взгляд она не защищает, она просто для галочки. А вот этот парень, он дает смелости идти одной по ночной улице...

Паша неровным шагом ступает по белой плитки длинного больничного коридора. Сколько раз он уже здесь был?

Пять.

Семь.

Десять.

Но память вновь пытается запустить тот первый раз, и даже уже начинает всплывать картинка, но он видит свою жену. Ему кажется, что она постарела. Может всему виной её поза.

Она, сгорбившись, сидит на жестком стуле в коридоре больницы, покачивается вперед-назад и смотрит в пол.

– Юль – шепчет он.

Она смотрит на него, встает. Он подходит к ней, а она, как очень уставший работник, повисает на нем, уткнувшись в плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.